

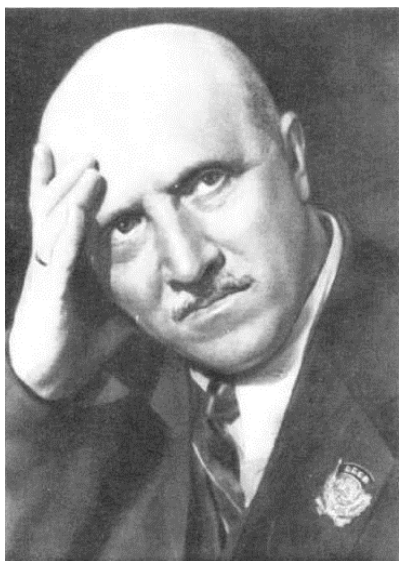
Кенуль НАСИРОВА

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ЭПИСТОЛЯРИЯ Б. АСАФЬЕВА

Люблю Восток, люблю поэзию и музыку Азербайджана.

Борис Асафьев

Творчество народного артиста СССР Бориса Владимировича Асафьева составляет целую эпоху в истории русской музыкальной культуры XX столетия. Выдающийся ученый – музыковед, блестящий критик – публицист, талантливый композитор, педагог и просветитель, он восхищает своей поистине феноменальной деятельностью. Многочисленные научные работы Б.Асафьева – это особый мир пророческих предвидений, в котором гармонично сочетаются аналитическая глубина, необъятная эрудиция, широта кругозора художника с умением воспринимать и осмысливать действительность «через слух».

Разносторонняя деятельность Б.Асафьева, вызывающая неизменный интерес у исследователей, после распада СССР получает неоднозначную оценку. Новая информация проливает свет на многие события его жизни и творчества, позволяет по-иному подойти к вечной проблеме «художник и власть». Однако это ни в коей мере не умаляет значимости незаурядного таланта Б.Асафьева, который расцвел при политическом режиме Сталина, детерминирующем духовную сферу общества.

Огромное творческое наследие Б.Асафьева включает в себя не только его блестящие историко-теоретические

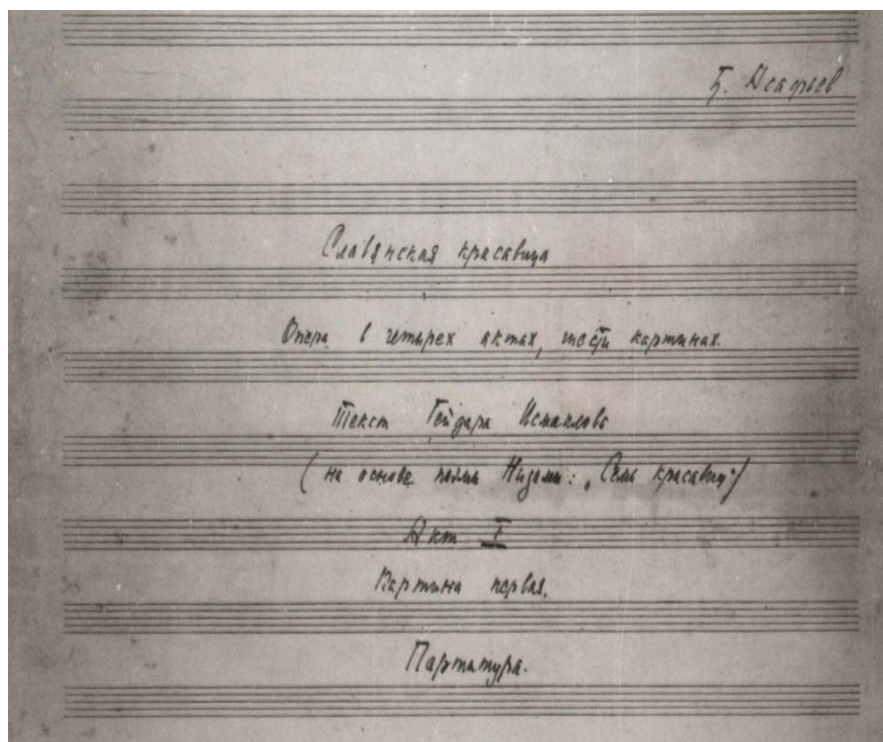
изыскания, но и многочисленные сочинения в разных жанрах. Хотя его композиторское творчество постигла не такая блестящая участь, как научные труды, и сочинения не получили столь же широкого признания, тем не менее, это талантливые образцы, имеющие «право на жизнь».

Выпускник Санкт-Петербургской консерватории по классу композиции Н.А.Римского–Корсакова и А.Лядова, он с юных лет был окружен вниманием выдающихся деятелей русской музыкальной культуры. Б.Асафьев начал самостоятельную творческую жизнь в 1909 году, как концертмейстер балетной труппы Мариинского театра. В тот год выступавшие на этой сцене легендарные исполнители – Анна Павлова и Вацлав Нижинский, исполнили в концерте номер «Бабочка» на музыку начинающего композитора.

Б.Асафьев постоянно проявлял интерес к музыкальному театру, поэтому значительную часть его творческого наследия составляют музыкально-сценические сочинения, включающие в себя 28 балетных и 11 оперных партитур. В поисках сюжетов для этих произведений он обращался к классикам мировой литературы – Низами, Данте, Ш.Пьерро, Г.Х.Андерсену, О. де Бальзаку, С.Пушкину, М.Ю.Лермонтову и т.д.

Определенную лепту внес Б.Асафьев и в музыкальный ориентализм. Талантливый композитор, он развил славные традиции «русской музыки о Востоке» в цикле романсов «Из подражания Корану» на слова А.С.Пушкина, в балетах «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Ашик-Кериб», операх «Алтынчеч» и «Славянская красавица». Последнее из названных сочинений стало объектом переписки Б.Асафьева и автора либретто данной оперы – талантливого ученого, создателя ряда пьес Гейдара Исмаилова. Подлинники неопубликованных писем, проливающие свет на историю создания оперы «Славянская красавица» («Волшебный замок»), написанной по мотивам поэмы «Семь красавиц» Низами Гянджеви и свидетельствующие о кропотливой и целеустремленной работе, которую вели авторы оперы, хранятся в Государственном Архиве Литературы и Искусства им. С.Мумтаза

[1].

Фотокопия рукописи Б.Асафьева. ГАЛИ, фонд 608. Рукопись произведения хранится в

Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ), фонд 658.

Будучи интересными и содержательными образцами эпистолярного наследия, они включают в себя 15 писем и относятся к 1940-1944 годам, то есть к периоду необыкновенного творческого взлета в жизни Б.В.Асафьева, громкой славы, когда он получил звание народного артиста СССР и две государственные премии. Именно в эти страшные годы Второй мировой войны, по словам ученого, в темном, холодном Ленинграде ему «работать хотелось, как никогда».

Если в своих научных монографиях и статьях Б.В.Асафьев исследует музыкальное наследие других композиторов, то в этих письмах он приоткрывает собственную творческую лабораторию. Эти письма содержат много ценных мыслей и обнаруживают стиль работы Б.Асафьева – композитора. Они проникнуты полным доверием к Г.Исмайлову, которого, по всей вероятности, он хорошо знал. Содержание писем выходит за пределы чисто личной переписки и знакомят нас с историей создания оперы «Славянская красавица», с интересными событиями в музыкальной жизни тех лет, характером отношений людей, рядом творческих проблем, которыми был занят Б.Асафьев. Эти письма раскрывают перед нами и его человеческие качества – желание творить, постоянную эмоциональную окрашенность мысли, художественный вкус и чувство сожаления от того, что он не был по достоинству оценен, как композитор. Ведь выдающийся музыкант XX

столетия неоднократно говорил: «Утверждали, что я не композитор, а какой-то «композиторствующий историк»... Да, я историк, и филолог (в меньшей степени), и многое изучавший литературовед, знаю и театр, не только музыкальный, неплохо разбираюсь в изо-искусствах. По существу же, по природе своей ...я типичный музыкант и сочиняю все, забывая в момент творчества, кто я: историк ли, журналист ли и т.д. Хочу создавать, вот и все» [2].

Б.В.Асафьев высоко ценил свое искусство и просто упивался творчеством. Письма к Г.Исмайлову демонстрируют, как тщательно и последовательно он работал над сочинением, вновь и вновь обращался к тому, что его не удовлетворяло. В них находят отражение такие черты его личности, как тонкий душевный строй, отзывчивость, ранимость и, в то же время, энергия и непоказное мужество. Ведь в годы войны Б.Асафьев оставался в блокадном Ленинграде, где больной, в нетопленной комнате написал около 130 печатных листов музыковедческих сочинений и десятки музыкальных композиций.

Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Б.Асафьева и Г.Исмайлова. Однако доверительный тон писем и многие строки указывают на то, что они хорошо знали друг друга и общались семьями.

Экономист, инженер, кандидат исторических наук Гейдар Алекпер оглы Исмайлов родился в 1910 году. Семья Исмайловых до 1910 года проживала в Нахичевани. Его отец – Алекпер Нахчыванлы был ремесленником, владел кузнечным делом. В 1910 году семья – отец, мать и четверо сыновей – Аскер, Гейдар, Али и Хабиб переехала в Тифлис (позже родились еще два сына). В этом городе А.Нахчыванлы стал держателем меблированных комнат на «Мейдане» – «Гостиницы Исмайловых». Вечерами в этой гостинице собирались любители литературы и искусства: писатель Салман Мумтаз, актер Мирза Ага Алиев; а некоторые выдающиеся личности, как Гусейн Джавид, часто останавливались здесь проездом. Таким образом, дети росли в культурной обстановке, в среде образованных людей.

Аскер, старший брат Г. Исмайлова выступал на сцене под псевдонимом «Нахчыванлы». В коллективе азербайджанского драматического театра Тбилиси выступали также Мирза Ага Алиев, Гаджи Ага Абасов, Сурайя ханум, Таналаиди ханум, Мовсум Санани, Мустафа Марданов. Режиссером был А.Туганов. Заслуженной популярностью пользовалась в постановке этой труппы оперетта У.Гаджибейли «Аршин мал алан», где партию Аскера исполнял Аскер Нахчыванлы.

Справа налево (стоят): Гейдар Исмаилов, Мамед Джафарли, Ибрагим Исфганлы, Асад Халилов, Исмаил Хагги, Алекпер Сейфи.

Справо налево (сидят): Аишаф Юзбашов, Али Аббасов, Рзагулу Наджафов, Абдурахим бек Ахвердиев, Алимйрза Нариманов, Азиз Шариф. Тифлис, 1927 год [прим.1].

В 1919 году режиссером Ибрагимом Исфганлы была осуществлена постановка этой оперетты в Тифлисском Государственном театре. Это стало прощальным бенефисом Аскера Исмаилова (Нахчыванлы), уехавшего затем на учебу в Баку и ставшего впоследствии Министром здравоохранения Азербайджана [прим.2].

Не случайно, что сформировавшийся в такой обстановке Г. Исмаилов с детских лет испытывал особое пристрастие к театральному искусству. Позднее, получив техническое образование, Г.Исмаилов обстоятельно изучил историю, защитил диссертацию и преподавал в разных высших учебных заведениях, в том числе, в Азербайджанской Государственной Консерватории. Автор ряда пьес, он прославился, как создатель либретто оперы «Кероглы» У.Гаджибейли.

1-ый выпуск Азербайджанского Театрального института. 1950 г.

Слева сидят: М.Джафаров, Эфендиев, Г.Исмаилов, С.Рухулла, А.Султанлы, С.Керимов. ГАЛИ, фонд №608.

К сожалению, не удалось восстановить информацию о том, как возникла идея написания оперы «Славянская красавица». Известно только, что был оформлен официальный заказ на создание этой оперы в связи с юбилеем Низами и процесс работы продолжался в течение нескольких лет.

Б.Асафьев в автобиографии писал: *«Первые месяцы Великой Отечественной войны...застали меня в блокадном Ленинграде. В привычной рабочей обстановке. Я заканчивал инструментовку оперы «Славянская красавица» – по Низами – для оперного театра в Баку, по заказу Азербайджанского Юбилейного комитета по чествованию этого великого поэта»* [3].

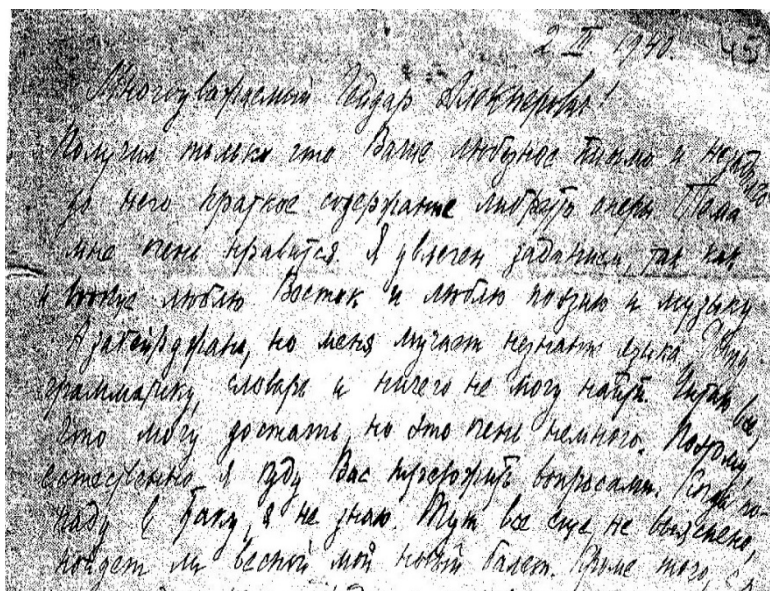
Таким образом, композитор отметил, что его обращение к творчеству великого Низами Гянджеви не носило случайного характера и, было вызвано празднованием 800-летнего юбилея гениального азербайджанского поэта и мыслителя XII столетия. Интересно, что уже в 1940 году в кратком сообщении в газете «Правда» сообщается, что в связи с этим юбилеем *«...композитор Б.Асафьев написал 4-актную оперу «Волшебный замок» (первоначальное название оперы. – К.Н.). В беседе с корреспондентом «Правды» Б.Асафьев рассказал о своей новой работе: «Опера написана по предложению комитета по празднованию юбилея Низами и азербайджанского Комитета по делам Искусств.*

Либретто принадлежит азербайджанскому писателю Гейдару Исмайлову, а русский стихотворный перевод сделан Л.Зальцманом. Сюжет оперы основан на эпизоде со славянской девушкой-княжной из известной поэмы Низами «Семь красавиц». Богатырь Сухейль, освобождающий девушку из заколдованного замка, - народный герой. В образе мудреца, помогающего Сухейлю, выведен сам поэт Низами» [4].

Однако хранящаяся в ГАЛИ им. С.Мумтаза переписка подтверждает тот факт, что процесс создания оперы продолжался и в последующие годы.

Отметим, что специальный комитет по подготовке и проведению 800-летнего юбилея Низами, первоначально намеченного на 1941 год, был создан при Совете народных комиссаров АзССР в 1939 году. Однако празднование юбилея отложили из-за войны, хотя в октябре 1941 года в блокадном Ленинграде в Эрмитаже в связи с этим событием состоялось юбилейное заседание, на котором, по всей видимости, присутствовал и Б.Асафьев. В 1945 году в Баку открылся музей Низами, а в мае 1947 года в столице Азербайджана прошли посвященные поэту юбилейные торжества,

В письме, адресованном Г.Исмайлову 2 марта 1940 года, Б.В.Асафьев отмечает, что недавно получил от него краткое содержание оперы. «Тема мне очень нравится, - пишет композитор. – Я увлечен заданием, так как вообще люблю Восток и люблю поэзию и музыку Азербайджана» [5].

Отрывок из письма Б.В.Асафьева. Рукопись.

ГАЛИ, фонд №608.

Однако Б.В.Асафьева волнует проблема отсутствия грамматики и словаря азербайджанского языка, а также некоторые вопросы, связанные с либретто. В частности, он отмечает, что ему многое не ясно с точки зрения драматического развития и задает ряд вопросов, свойственных позиции композитора, создающего сочинения в условиях социалистического реализма: *«Если она (Нисранпуш- К.Н.) полюбила героя из рабов, значит она стремится к народу, к людям из угнетенных классов? А ее народ любит? Знает? Понимает ее стремления? В чем таинственность заколдованного замка? Чему старик философ поучает Сухейля?»* [5].

Далее он высказывает мнение по поводу некоторых актов, чтобы *«как-то оживить действие»* [5]. Для этого Б.В.Асафьев предлагает показать яркими поступками, *«...симпатии к обездоленным»* Нисранпуш или проявить ее влечение к знанию и искусству. Таким образом, композитор считает, что характеристика главной героини оперы уже в первом действии должна вызывать *«... к ней привязанность, как к хорошей, доброй девушке»* [5].

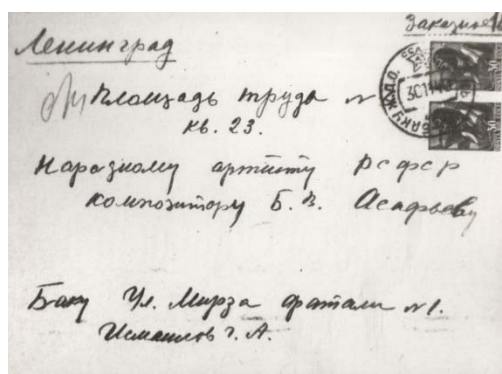
Драматургическое чутье подсказывает ему, что во втором действии лучше сократить прием падишаха, так как это повтор того, что было в начале оперы. Б.Асафьев предлагает оставить только гневное письмо шаха и написать большую арию Нисранпуш, которая могла бы родиться, как ответ на это требование: *«Мне хочется, чтобы возникли живые эмоции, яркие чувства ... Еще мысль: может быть ... показать гибель какого-либо ... витязя, чтобы тем самым отметить ничтожность искателей брака с Насринпуш?»* [5].

Вторая половина второго акта приходится по душе Б.В.Асафьеву, он находит ее содержательной, а хорошие по мыслям события третьего действия, характеризует как «вялые» в отношении театрального действия. Вновь проявляется идеологическая установка Б.В.Асафьева и желание добиться драматического напряжения. Он отмечает, что философ должен указать, в ответ на арию Сухейля, обращенную к Нисранпуш, на его *«... высшую цель – на подвиг во имя народа, раскрыть «перед его взором картины народных страданий и лишений»* (подчеркнуто в письме. – К.Н.), *как Вергилий перед Данте образы ада»* [5]. Помимо этого, композитор предлагает четвертый акт, который сильно волнует его воображение, сделать второй картиной третьего действия. Б.В.Асафьев буквально «слышит» музыку арии Нисранпуш: *«...голос (призыв) любимой девушки, ведущий сквозь борьбу и зовущий к себе, временами замирая и вновь звуча, с новой силой – все это чудесно, увлекательно и волнует своей человечностью. Даже ради этого одного момента можно вдохновиться на всю оперу»* [5].

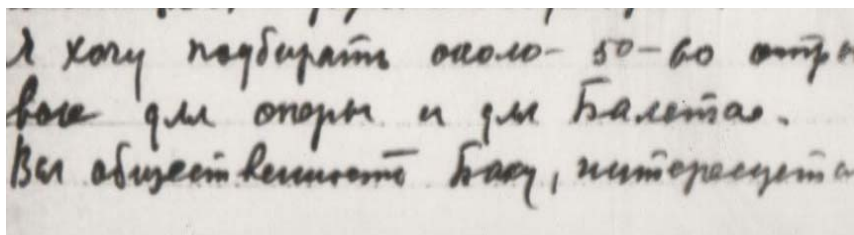
По мнению композитора, пятый акт не требует перемен и советует подчеркнуть гнев хана, вызванный не только низким происхождением Сухейля, но и его борьбой за народ. И тогда, по мнению Б.В.Асафьева опера приобретет *«ведущую яркую эмоцию и идею»* [5].

В приписке к данному письму он просит Г.Исмаилова сообщить ему некоторые данные, которые помогли бы при написании оперы, а именно, основные размеры и формы азербайджанских стихов и рассказов, кратко охарактеризовать *соотношение длительностей (долгих и кратких слогов) и рассказать «об ударении (его месте и динамике)»* [5].

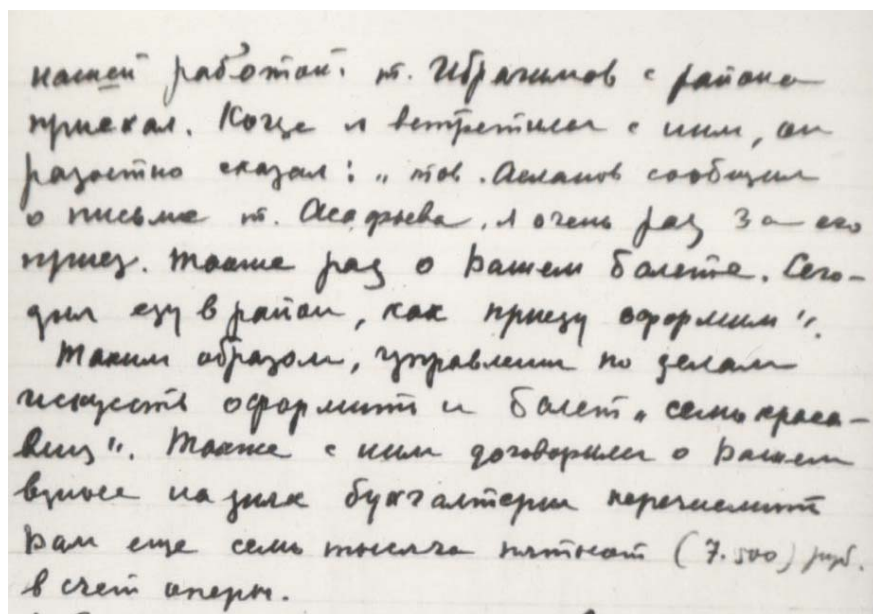
В ответном письме от 10 марта 1940 года Г.Исмаилов информирует Б.Асафьева о том, что согласно существующей договоренности, он связался с Научно-исследовательским кабинетом консерватории для подбора азербайджанской народной музыки. Здесь была организована бригада, руководимая Бюль-Бюлем, которая *«подбирает не слышанные и не использованные азербайджанские...»* песенные и танцевальные мелодии [6]. Эти ноты, предназначенные для композитора, будут отредактированы Бюль-Бюлем, и для каждой из них он напишет аннотацию с русским переводом [6].

Следующее предложение вызывает интерес тем, что здесь впервые речь идет не только об опере, но и балете. Г.Исмаилов отмечает, что хочет подобрать *«... 50-60 отрывков для оперы и балета»* [6]. Из дальнейшего текста становится ясно, что Управление по делам искусств собирается оформить с Б.В.Асафьевым заказ на написание балета «Семь красавиц» по одноименной поэме Низами. В конце письма Г.Исмаилов интересуется работой композитора над балетом «Ашуг-Кериб».

А хоту пазбират ооло- 50-60 отру
 вое для оперы и для балетов.
 В общем величье баку, интересуются

нашей работы. м. Ибрагимов с районом
 приехал. После и встретился с ним, он
 разотню сказал: „тов. Асафов сообщил
 о письме м. Асафьева, я очень рад, за его
 приез. также рад о вашем балете. Сего-
 дня еду в район, как приезу оформили“.
 Таким образом, управлением по делам
 искусств оформили и балет „семь красавиц“.
 Также с ним договорились о вашем
 входе на язык бухгалтерии переименовать
 вам еще семь тысяч рублей (7.500) руб.
 в счет оперы.

Рукопись письма Г.Исмаилова. ГАДТ, фонд №608

Спустя две недели Г.Исмаилов сообщает Борису Владимировичу, что выдающийся азербайджанский писатель и общественный деятель Мирза Ибрагимов, работающий начальником управления по делам искусств при СНК АзССР, передал ему благодарность от Б.В.Асафьева за «интересное либретто» [7].

Следующее предложение, подтверждает мысль о том, что первоначальный вариант либретто был отклонен: «...второй вариант одобрен соответствующими авторитетными организациями и лицами» [7].

Г.Исмаилов отмечает, что во время работы ему многие помогли советами: режиссер, художник, актеры, музей Низами, а также Бюль-Бюль – директор Кабинета народной музыки, который «очень богат материалами» и директор оперного театра Шовкет Мамедова. Более того, Ш.Мамедова также высказала определенные пожелания и предложила при написании оперы ориентироваться на «конкретные голоса» для персонажей. Из приведенного в письме Г.Исмаилова списка явствует, что образ Низами во втором варианте либретто заменен образом философа и добавлен первоначально отсутствующий образ Зарнидадж.

Г.Исмаилов настаивает на приезде Б.Асафьева в Баку и отмечает, что стихотворный текст первого акта почти закончен, но он не знает какие *«...взять размеры и такты, чтобы удовлетворить Вас [...] Я могу прислать Вам текст с размерами и формами, но это не все, возможно, что придется во время работы изменить слог и ударения и т.д.»* [7]. Либреттист обещает закончить весь текст либретто к 1 мая и выслать ему много материала.

Г.Исмаилов информирует Б.В.Асафьева о состоявшемся заседании комитета по проведению юбилея Низами и отмечает, что композиторы, которым заказали пять опер, жаловались на отсутствие либретто.

В мае 1940 года Г.Исмаилов пишет, что он получил еще одно письмо от Б.В.Асафьева, но у него не было времени ответить, так как его пьесу ставили в Тбилиси [8]. Либреттист сообщает, что переслал композитору музыкальный материал, обещает к концу месяца закончить полный текст и отдать на перевод. Г.Исмаилов собирается приехать в Ленинград и спрашивает о том, какой материал привезти.

Полученная Б.Асафьевым от М.Ибрагимова телеграмма подтверждает, что его письмо не дошло до адресанта [9]. Поэтому вновь доводит до сведения, что все лето находится безвыездно в Ленинграде и будет рад видеть Г.Исмаилова в любое время. Далее отмечает: *«... телеграмма дошла случайно: адрес был неточный»* и хотя здоровье его улучшилось, двигаться ему никуда нельзя, а *«работать можно, но не слишком»* [9]. При этом он добавляет: *«Ради нашей с Вами важной работы я прошу у Всесоюзного Комитета по делам искусств творческого отпуска на год ... Но необходима поддержка от Вашего Азербайджанского Комитета по делам искусств в виде обращения к М.Б.Храпченко с указанием на важность работы и необходимость для меня творческого отпуска»* [9].

Он отвечает на вопрос Г.Исмаилова относительно необходимых материалов: *«Вы лично – вот главное и ваше либретто. Подстрочный перевод «Семь красавиц» я получил ... Товарищ Ибрагимов обещал мне еще подстрочный перевод «Лейли и Меджнун» ... если привезете с собой какие-либо нотные записи и сборники народных песен – по совету Вашими специалистами – буду очень счастлив. Фотографии с миниатюр и памятников, видовые открытки Азербайджана – все это помогает при работе»* [9].

Из письма Б.В.Асафьева от 9 сентября 1940 года следует, что Г.Исмаилов летом не был у композитора и не прислал либретто [10]. Хотя композитор дважды писал ему и послал две телеграммы в Азкомитет Искусств, но получил ответ только от М.Ибрагимова (отметим, что этих двух писем в архиве нет, по всей видимости, они просто не дошли до Г.Исмаилова. – К.Н.) [10].

Б.Асафьев сообщает, что у него есть словарь азербайджанского языка, но без указания произношения, поэтому просит написать ему буквы в алфавитном порядке с обозначением русского произношения каждой буквы и некоторые звуко сочетания. При этом добавляет, что все лето *«старался хоть чуть-чуть понять строй и склад языков Турции, Ирана, а затем Вашего и арабского – через взаимопроникновение. Кое в чем я разбираюсь, но рассудком, а не слухом»* [10].

К сожалению, состояние здоровья не позволили композитору приехать в Баку, и это создало для художника, воспринимающего мир, прежде всего, «через слух», большие проблемы при написании оперы. Он вновь просит прислать не только поэтический русский перевод, но и *«азербайджанский текст русскими или латинскими буквами с подстрочным обозначением ударения и значения каждого слова. Умоляю также: сведения об ударении и вообще, о метрике в азербайджанском стихосложении»* [10].

Б.В.Асафьев жалуется, что писал Храпченко о намерении участвовать в конкурсе Низами и просил творческого отпуска, но не получил ответа. *«Неужели они думают, что такую работу, как создавать оперу к юбилею Низами можно делать, не имея времени, среди обычной нагрузки?»* - удивляется композитор [10].

Еще в одном письме Г.Исмаилова, хранящемся в Архиве, год не указан, однако проставлено число (7), но цифра месяца неразборчива, и судя по содержанию, оно написано в 1940 году. Либреттист информирует композитора о том, что режиссер оперного театра и он же режиссер-постановщик оперы «Славянская красавица» Рапопорт, отправил ему исправленное либретто и 10 песен, отобранных Бюль-Бюлем. Далее он сообщает: *«Комитет Низами отправил письмо т.Храпченко ... и просил разгрузить Вас от лишней работы»* [11].

В письме от 18 октября 1940 Г.Исмаилов информирует Б.Асафьева о том, что выполнил все его поручения в Москве: *«...передал ноты и был в Комитете Искусств. Секретарь т. Храпченко [прим.3] после переговоров с начальником сказал, мол, просьба будет удовлетворена»* [12].

Г.Исмаилов пишет, что они «радовались за балет» и до 20 сентября текст либретто с поправками будет готов: *«Я сейчас занимаюсь фольклорным материалом, думаю, к концу сентября вы получите»* [12].

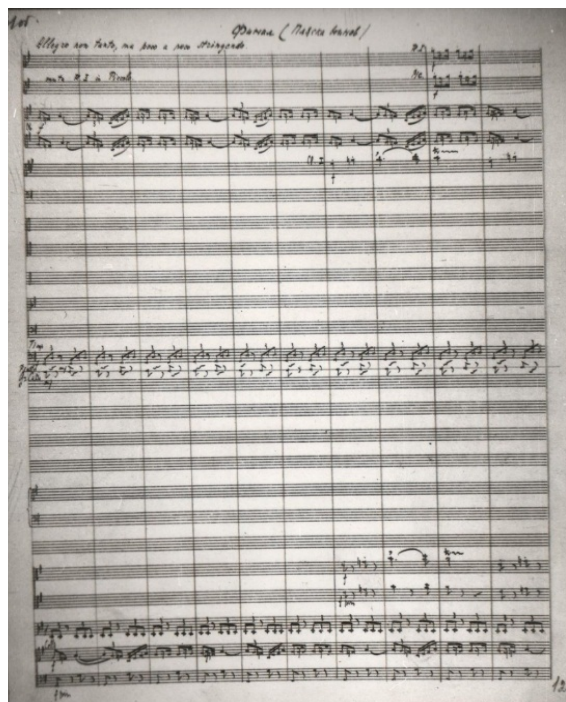
В ответном письме от 27 октября 1940 года Б.Асафьев рассказывает о событиях, происходящих при постановке балета «Ашигк-Кериб»: *«...начались неприятности в театре: премьеру отложили, ...дирижер с балетмейстером стали сокращать и изменять музыку – словом, начались обычные «прелести», когда чувствуешь себя не композитором,*

а каким-то жалким несчастным негодяем, виновным в том, что сочиняешь музыку, которую «господа» дирижеры должны разучивать и балетмейстеры ставить. Словом я опять слег и почти не могу двигаться. Но зато написал книгу о Глинке, полулежа, полустоя. С нетерпением жду ваше либретто и нотные записи песен. Что бы здесь не проделывали с моим Ашик-Керибом, Вашу оперу я писать буду пока еще жив» [13].

Следует отметить, что Б.Асафьев – композитор неоднократно сталкивался с разного рода трудностями и непониманием при постановке своих музыкально-сценических сочинений и потому, с такой горечью пишет о трудностях, с которыми в очередной раз столкнулся.

Из следующей части письма следует, что Г. Исмаилов беседовал с М.Храпченко, но Б.Асафьев не очень им верит: *«Только, когда Комитет Низами сверху (подчеркнуто Б.Асафьевым. – К.Н.) сообщит, что я нужен для серьезного дела – поверят»* и переключается на творческие вопросы [13]. В частности, его интересует, какой дуэт напишет Г.Исмаилов: *«Прошу лиричнее, чтобы чувствовалось сердце, великая человеческая любовь и природа»* [13]. Далее Б.Асафьев напоминает о Пастухе и просит узнать на каком он инструменте играет и нет ли записанного наигрыша. В конце письма он отмечает: *«...узнайте у специалистов остались ли в азербайджанской народной музыке следы так называемой пентатоники? Мне необходимо это знать* (подчеркнуто Б.Асафьевым – К.Н.) [13].

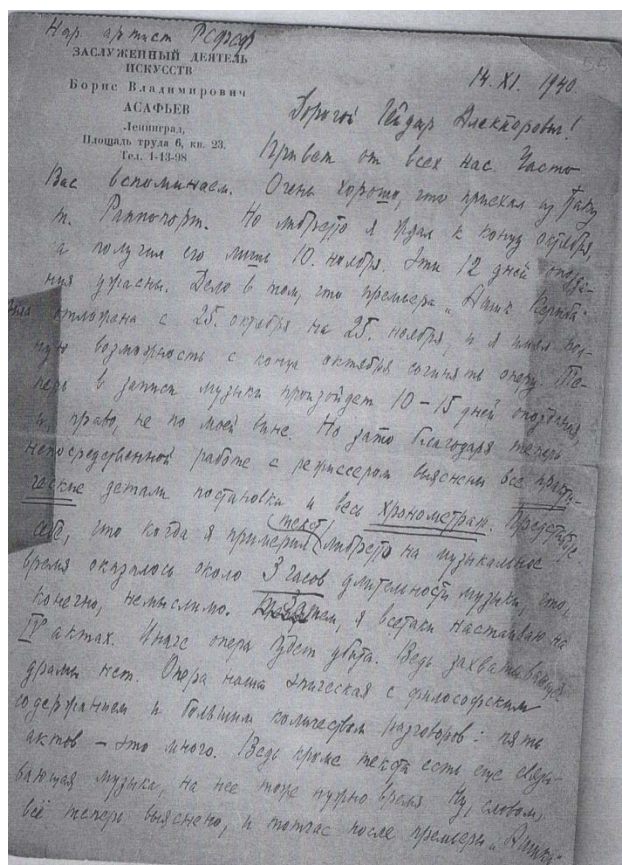
Вопрос, заданный композитором связан с тем, что элементы пентатоники свойственны многим древнейшим культурам, а великий ученый считал, что *«Кавказ в своем сплетении «музыкальных языков и диалектов» значим в эволюции музыкально-интонационной речи человечества не менее, чем в истории языка и словесно – языкового мышления»* [14]. Поэтому, он предполагал, что в азербайджанском музыкальном фольклоре могут быть «следы пентатоники».

Пляска воинов из оперы «Славянская красавица». ГАЛИ, фонд №608.

14 ноября 1940 года Г.Исмаилов получил письмо от Б.Асафьева, написанное на именном бланке Заслуженного деятеля искусств и приписанное сверху его рукой – «Народного артиста РСФСР».

В письме «усталый и измученный» Б.Асафьев сетует на опоздание либретто (12 дней) и упущенную возможность сочинять в это время оперу (из-за переноса премьеры балета «Ашиг Кериб»). Композитор радуется, что из Баку приехал Рапопорт и благодаря работе с режиссером выяснил все практические детали постановки и весь хронометраж. Однако когда Б.Асафьев примерил текст либретто на музыкальное время, то обнаружил «...3 часа длительности музыки, что, конечно – немыслимо. Затем, я все-таки настаиваю на IV актах. Иначе опера будет убита... Опера наша эпическая с философским содержанием и большим количеством голосов: пять актов – это много. Ведь кроме текста есть еще связывающая музыка, на нее тоже нужно время» [15].

Рукопись письма Б.Асафьева. ГАЛИ им. С.Мумтаза,
фонд 608

Далее Б.Асафьев просит передать Бюль-Бюлю благодарность за присланные им напевы: «Жду теперь еще напевы и – главное – пояснения к ним» и в постскриптуме пишет: «Размеры стиха придется кое-где менять: получается монотонно. Затем, ритмы присланных напевов тоже совсем иные, чем стихи либретто. Как тут быть: что к чему прилаживать? Ломаю голову и в конце концов просто буду писать свою музыку, ибо времени нет уже на раздумье» [15].

Хранится в ГАЛИ им. С.Мумтаза

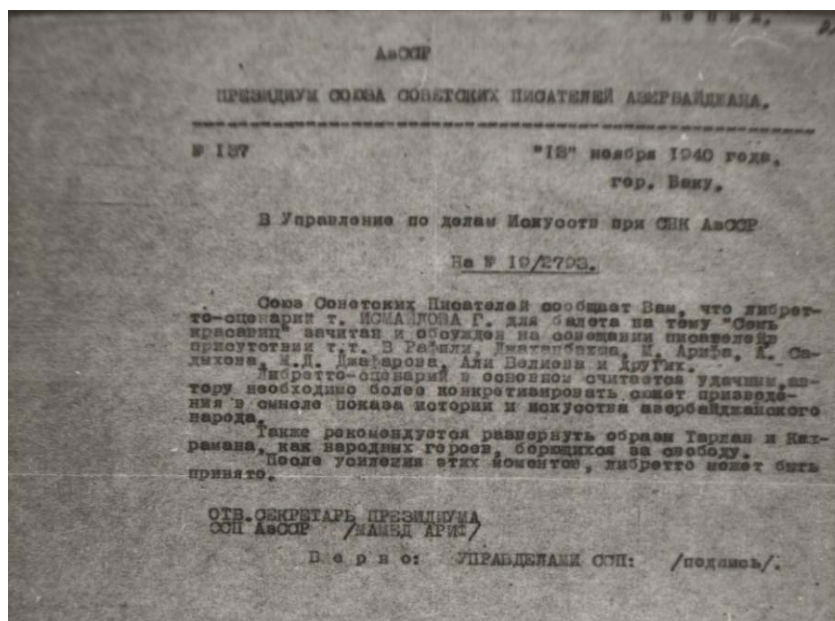
В ноябре Б.Асафьев написал еще одно письмо Г.Исмайлову. Он проявляет беспокойство по поводу постановки балета «Ашиг–Кериб» и отмечает, что «...неопытный балетмейстер и сомнящийся плохой дирижер натворили много ерунды. Хорош только художник Версаладзе, потому что он талантливый и культурный грузин» [16].

Далее из письма следует, что мелодии Нисранпуш (песня с башни, 2 акт) и пастуха, а также договора относительно балета «Семь красавиц» он так не получил.

В ответном письме Г.Исмайлов выражает согласие по поводу четырех актов и сообщает, что Бюль-Бюль отправил в Москву еще 40 напевов с объяснениями (а также телеграмму – К.Н.) [17].

Телеграмма Г.Исмайлова. ГАЛИ.им.С.Мумтаза

Он отмечает, что Секретарь ЦК КП Азербайджана и председатель юбилейного комитета Ягубов долго беседовал с ним и Г.Исмайлов сообщил ему о «...совместной работе над составлением плана ... Тов. Ягубов и тов. Ибрагимов говорили, что балет нужно написать» и добавил, что Ягубов обещает оформить договор, как только Б.Асафьев приедет в Баку. А еще информирует о том, что либретто балета было обсуждено и принято в «Союзе Советских Писателей» (ныне Союз Писателей Азербайджана) [17].

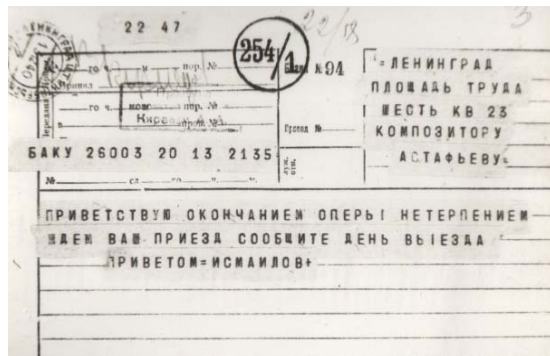

Копия хранится в ГАЛИИ им. С.Мумтаза

16 декабря 1940 года Б.Асафьев, приходящий в себя после страшной усталости пишет, что последние дни перед окончанием оперы спал по 3-4 часа в сутки: *«Во всяком случае я честно вдумался (в творчество Низами и худож. культуру (сокращено автором письма. – К.Н.) Азербайджана и всеми силами и знаниями откликнулся на призыв. А далее примут или не примут оперу, вина не моя. Я так устал, что ехать никуда не могу...»* [18]. Он сетует на отсутствие договора, нотной бумаги и просит объяснить дирижеру Гинзбургу, приславшему телеграмму с просьбой прислать отрывки из оперы для Азербайджанкой музыкальной декады, что оркестровать не может, так как «безумно утомлен» и отдал клавиш на переписку (не ясно, о какой декаде пишет композитор. – К.Н.).

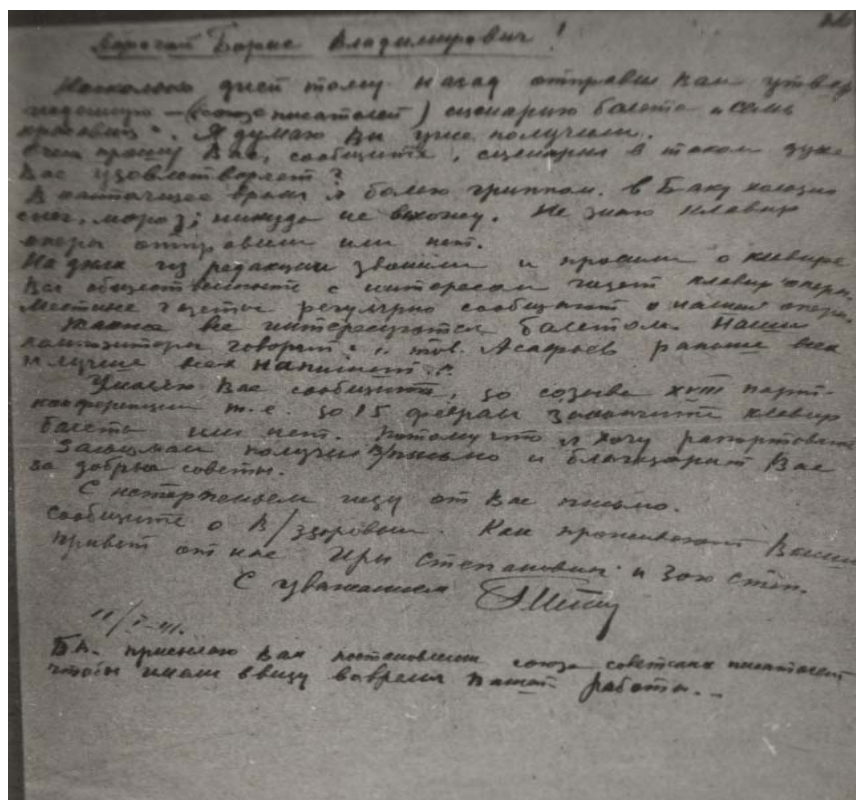
Далее Б.Асафьев отмечает, что Бюль-Бюль прислал прекрасные материалы для балета и недоумевает, что он послал их не на его домашний адрес, а в Союз Композиторов, где они «долго пролежали». Он делится планами относительно музыки балета: *«Балет я хотел делать насквозь почти национальным, ибо материалы – напевы, полученные от т. Бюль-Бюля дают к тому полную возможность. Кроме того, опыт мой с «Ашигом» показал, что я хорошо владею инструментальными интонациями и ритмами Востока... В опере мне удалось наметить много новых путей и принципов применения европейской техники к национальной музыкальной культуре и я уже теперь жалею, что незнание языка помешало мне писать музыку на азербайджанский ваш текст. Но если «Волшебному замку» повезет, я изучу ваш язык, и мы с Вами напишем азербайджанскую современную оперу из советской действительности»* [18].

В январе 1941 года Г.Исмаилов сообщает Б.Асафьеву, что он, с Ш.Мамедовой, которой очень понравилась музыка, были у Ягубова и певица дала хороший отзыв: *«Она просила меня написать некоторые ариозы для Нисранпуш»* [19].

Обеспокоенный словами композитора, Г.Исмаилов был так же у М.Ибрагимова, который показал ему копии телеграммы и письма Б.Асафьеву и дал поручение выдать гонорар композитору. По поводу балета либреттист беседовал с Ягубовым, который сказал: «Вы напишите, на это денег мы найдем» [19].

Г.Исмаилов доводит до сведения Б.Асафьева, что отправил ему утвержденный в Союзе Писателей сценарий балета «Семь красавиц». Он отмечает, что местные газеты регулярно сообщают об их совместной работе и *«вся общественность с интересом ждет клavier оперы»* [19].

В феврале 1941 года Г.Исмаилов сообщает, что на совещании Комитета по юбилею Низами выяснилось, что «... кроме Вас никто не закончил оперу, балеты ... Ибрагимов передал Ваше письмо относительно Арии и ариозо Нисранпуш ... По Вашему указанию мы втроем выполнили эту работу и сдали в управление» [20]. Далее он отмечает, что после получения клавира оперы к 10 марта 1940 года «...можно поднять вопрос о балете» [20]. Из письма следует, что в апреле ожидается приезд Б.Асафьева в Баку. Либреттист информирует композитора о том, что выполнил все его распоряжения и поэтому недоумевает, почему композитор «молчит». «Что касается балета, - пишет Г.Исмаилов, - я отправил Вам сценарий, если предположим, Азербайджанская республика не захочет заказать, то мы можем написать и предложить центральному юбилейному комитету по юбилею Низами в Москве» [20]. Он просит Б. Асафьева сообщить о своем решении относительно балета и поздравляет его с получением звания доктора искусств.

Из очередного письма, написанного Г.Исмаиловым в феврале 1941 года следует, что Ягубов поручил «осуществить балет» и поэтому он, не дожидаясь официального оформления договора, переслал ему сценарий балета [21].

22 февраля 1941 года Б.Асафьев ответил на письмо Г.Исмаилова и объяснил свою позицию относительно балета [22]. Отметив, что сильно переутомился и впереди еще инструментовка оперы («около 500 страниц партитуры!»), он подчеркивает, что

М.Ибрагимов писал и в личной беседе уверил его в том, что «этот балет сейчас немислим» и поэтому он боится *«истратить свои силы на сложное произведение без заказа...»* [22].

Далее он делится своими мыслями относительно сценария и утверждает, что из него можно сделать балет, и раскрывает свой принцип создания балетной партитуры: *«Но каждый балетный сценарий, если он не согласован с балетмейстером, – еще не есть балет. Писать музыку без согласования с балетмейстером – это значит, потом переделывать свой труд без конца... Кроме того, я знаю, что балет на сходный сюжет из Низами уже в Баку сочиняется»* [22].

Приведенная цитата совпадает с мыслью французского балетного реформатора Ж.Новерра о том, что успех балета определяет совместная работа композитора, либреттиста и балетмейстера. Творческий опыт Б.Асафьева, на практике познавшего все тонкости балетного искусства, неоднократно подтверждал правомерность такого отношения к балетному спектаклю.

Интересно, что в этом письме Б.Асафьев опять использует старое название оперы – «Волшебный замок». К сожалению, ни в одном письме речь не идет об изменении названия и потому, это дает основания считать, что данный вопрос, вероятно, обсуждался с М.Ибрагимовым.

В этом достаточно длинном письме он сообщает так же о том, что у него были М.Ибрагимов и Ш.Мамедова, которая *«...вполне определенно отметила те места, какие в ее партии надо расширить и обещала мне по возвращении в Баку попросить Вас дописать необходимый текст»* [22]. М.Ибрагимову композитор объяснил обо всех необходимых дополнениях в либретто, однако подчеркнул, что клавиш переписан и *«музыка всей оперы очень связана»*, чтобы сделать добавления в 3-ем акте, ему придется изменять многое в 1-ом и 2-ом актах. Он уточняет, какие дополнения требуются: до пения пастуха надо добавить ариозо Нисранпуш и отмечает, что Ш.Мамедова *«...обещала дать свой напев для этого ариозо и сообщить его Вам»*. Во 2 картине нужна большая драматическая ария героини, *«...а в самом конце вместо обморока, который в опере – немислим, нужен пламенный любовный дуэт героя и героини»* [22].

Он просит относительно музыкальной формы арии и дуэта обращаться к Рапопорту, которому тоже написал письмо. Б.Асафьев отмечает, что передал Г.Исмаилову письмо через М.Ибрагимова: *«Я был рад с ним познакомиться и так хорошо побеседовать»* (подчеркнуто Б.Асафьевым. –К. Н.) [22].

Спустя 10 дней композитор в очередном письме сообщает, что получил дополнительный текст и объясняет, какого типа арию он собирается написать. Предположительно, она будет

в форме классической арии и указывает пример – ария из «Русалки» Даргомыжского (в подводном царстве). Он отмечает, что хотя стихи хорошие, но безумно длинные, их не спеть и не та форма [23].

Из письма следует, что при присланном тексте приложено письмо от М.Ибрагимова, который просит к 10 марта выслать весь клави́р со вновь написанным музыкальным материалом. Однако Б.Асафьев объясняет причины, по которым это невозможно осуществить к указанному сроку.

Он вносит ясность в ситуацию, связанную с балетом и указывает все условия для его написания: *«...если нужен балет, то я хочу иметь...либретто, утвержденное не Союзом Писателей, а Комитетом Низами или Управлением по делам искусств, во-вторых, сценарий на основе Вашего либретто, сделанный балетмейстером, или режиссером, или совместно обоими, который будет ставить этот балет, в третьих – договор»* [23].

В мае Г.Исмаилов сообщает композитору, что клави́р оперы «Славянская красавица» переписывается и на днях начнется разучивание отдельных партий: *«На 1 майском торжественном вечере артистами госоперы исполнены отдельные арии из Вашей оперы (к сожалению, я только лежа слушал по радио)»* [24].

Спустя несколько месяцев Б.Асафьев рассказывает о проблемах и сообщает, что *«...кроме как работой над инструментовкой нашей оперы ничем иным не занимаюсь...Но теперь новая беда: из бюро по переписке нот у меня не берут для переписки готовые части партитуры»* и просит сообщить об этом М.Ибрагимову и Рапопорту [25]. Композитор считает, что *«инструментовка идет хорошо и звучать опера будет интересно, но требует большой выучки и долгой внимательной работы»*[25].

Из письма следует, что он получил также «милое письмо» от дирижера Гасанова, которому ответил, но новых известий от него и Рапопорта не получил. Он выражает согласие ответить на все вопросы дирижера по поводу темпов, характера исполнения и т.д. По мнению Б.Асафьева *«...опера получилась содержательная, интересная, необычная по стилю, но трудная, требующая тщательного вникания. А такое вникание возможно, если есть сочувствие»* [25].

Большой интерес вызывает еще одна информация, которой Б.Асафьев делится в письме. Судя по ней, ученый предоставил в Московский Музгиз песни Бюль-Бюля, однако он *«упорно молчит, ... хотя я уже давно показал весь этот песенный материал главному музредактору. Досада какая-то»* [25]. Вероятно, учитывая высокую художественную ценность музыкального фольклорного материала, Б.Асафьев рекомендовал их к публикации, но по каким-то неведомым нам причинам, издательство этого не сделало [25].

В июле 1941 года Г.Исмаилов сообщает Б.Асафьеву, что в театре роли распределены и актеры проходят уроки: *«Пока театр занят только нашей оперой. Остальные композиторы пока не закончили свои работы»* [26].

Следующее письмо, хранящееся в архиве, было написано Б.Асафьевым в декабре 1941 года [27]. Из него следует, что Г.Исмаилов написал ему из Казани, но несколько ответных его писем к либреттисту и другим лицам, содержащие разъяснения, касающиеся оперы, не дошли до адресантов. Кроме того у композитора возникли проблемы с перепиской 3 и 4 акта оперы, так как некий Шальман – переписчик нот, не выполнил условия договора, заключенного с Ленинградским Союзом Композиторов. Он просит сообщить т. Храпченко, что работа была честно закончена, но что произошли проблемы с нотным материалом. Б.Асафьев пишет, что страдает от этой ситуации, так как *«...творческие надежды были связаны с этой моей ценной работой для Азербайджана. Я так Вас всех полюбил. Но что поделаешь – таков мой скорбный творческий путь»* [27].

Еще одно письмо Б.Асафьев написал из Ленинграда 26 февраля 1942 года, где отметил, что получил телеграмму от Идаятзаде, и узнал из нее, что в Баку недослали 3 и 4 акты оперы (*«кстати, здесь о ней не раз сообщали в Ленинградской Правде и исполняли отрывки на Радио с обязательным указанием Вашего времени»*) [28]. Он сообщает, что попытается скопировать партитуру этих актов, но оркестровые партии придется переписывать в Баку. Композитор обстоятельно рассказывает Г.Исмаилову о своих взаимоотношениях с «азербайджанской стороной»: *«Всюду в организациях и учреждениях я говорю о замечательном отношении ко мне и моей работе со стороны азербайджанцев, т.е. Вас, Ибрагимова, Управления по делам искусств, Бакинского театра и т.д. и ставлю это в пример отношения к композитору. Позавчера говорил об этом и в нашем Горкоме. Сообщал в интервью. Писал т. Храпченко...»* и просит сообщить всем инстанциям, что он выполнил свое обещание [28].

Далее Б.Асафьев отмечает, что сейчас заседает комиссия по сталинским премиям и он *«... знает, что недруги всегда замалчивают мою работу... Но надеюсь, что вспомнят теперь. Но я хотел бы, чтобы друзья указали хотя бы, что я сделал свое дело. Не в премии дело, ...а в том, что и в месяцы Отечественной войны мой талант и мои мысли, художественное творчество остаются на своем посту. Вот в этом отношении я прошу дорогих азербайджанских друзей поддержать меня, а я в свою очередь в остаток своей жизни и сил готов сделать самое лучшее, что могу для Вашего народа»* [28].

Под фразой «дорогих друзей» он, вероятно, имел в виду У.Гаджибейли, который был единственным азербайджанцем, который входил в первый состав комитета по Сталинским

премиям в области литературы и искусства при Совете народных комиссаров СССР. Известно, что к мнению Узеир бека внимательно прислушивались, он неоднократно честно и объективно выступал на заседаниях, когда обсуждались кандидатуры Д.Шостаковича, С.Прокофьева, Н.Мяковского, Р.Глиэра, М.Шолохова, С.Вургуна и др. [прим.4].

В конце письма Б.Асафьев просит этически поддержать *«сильный пока еще»* его дух и добавляет, что в *«...искусстве лентяев завелось и они не любят тех, кто в серьезных и тяжелых условиях работал и работает»* [28].

Из последнего письма Б.Асафьева, хранящегося в архиве следует, что члены его семьи с февраля 1943 года находятся в Москве. Ученый отмечает, что как все ленинградцы, они многое пережили в этом городе, но он ни на миг не бросил работы, потому что *«...полагал, что советская мысль не должна замирать ни при каких обстоятельствах»*[29].

Б.Асафьев рассказывает о своих успехах и о том, как встретил в Большом Театре Ш.Мамедову, которая сообщила, что в Баку опера «Славянская красавица» готовилась к постановке. *«Повторяю, мне очень дорога моя «Славянская красавица» и я с глубокой болью вспоминая незабвенные годы нашей работы, в которые я вкладывал и душу и знания и культуру, – в работу, к которой я отнесся с полнотой чувства и энтузиазма»* – пишет Б.Асафьев [29].

Дальнейшие строки письма свидетельствуют о моральном страдании композитора, той боли и досаде, которую он испытывал долгими зимними темными ночами в Ленинграде. Однако Б.Асафьев вспоминает и то тепло, доброту, которая исходила от общения с Г.Исмаиловым, отмечает, что *«друзей они не забывают»* (имеет в виду свою семью. – К.Н.) и надеется, что переписка вновь возобновится [29].

Это письмо Б.Асафьева, хранящееся в ГАЛИ, в котором он интересуется участием своего произведения, вызывает огромное сочувствие к труду талантливого композитора и рождает массу различных вопросов. К сожалению, в ГАЛИ им. Мумтаза нет других письменных свидетельств дальнейшего общения композитора и либреттиста. Б.Асафьев покинул этот мир в 1949 году, а спустя год не стало Г.Исмаилова. Возможно, если бы жизнь Г.Исмаилова не оборвалась бы в сорок лет, мы узнали бы больше о сложившейся в те годы ситуации, но к сожалению, в данный момент другой информацией мы не располагаем.

Безусловно, реализация постановки оперы «Славянская красавица», законченной в сложные годы Второй мировой войны, осложнялась рядом проблем – отсутствием композитора в Баку, длительной перепиской, как творческого, так и организационного характера, несвоевременной доставкой партитуры, перепиской оркестровых партий и мн.др.

Однако сегодня, думается, возможна (хотя бы в концертном исполнении), постановка оперы «Славянская красавица» Б.Асафьева, написанной на основе произведения Низами и азербайджанского музыкального фольклорного материала. Это художественное событие далеко не местного масштаба, выявило бы характерные черты ориентализма Б.Асафьева в эволюции творчества композитора и во взаимосвязи с общим процессом развития «русской музыки о Востоке». Сценическая реализация и тщательный анализ оперы «Славянская красавица» обогатили бы нашу музыкальную культуру и науку, позволили бы установить связь музыкального материала оперы с азербайджанской народной музыкой, законы ее движения и преобразования. А ведь вероятно, не без внимательного изучения азербайджанского фольклорного материала, Б.Асафьев во второй книге капитального исследования «Музыкальная форма как процесс», созданной в период ленинградской блокады (дата окончания – 24 января 1942 г.), написал следующие строки: *«В нашей великой стране «звучат музыки» далеких архаических ритмо-интонационный и мелодических культур. На Кавказе и в Закавказье интонационные пласты сплелись в сложный клубок»* [30].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фотография была сделана в Тифлисе 4 февраля 1927 года, где отмечалось 35-летие литературной деятельности А.Ахвердиева. Фотография из личного архива Г.Исмаилова, передана его сыном, заслуженным геологом республики Ровшаном Исмаиловым в 1986 году. Ныне хранится в ГАЛИ им. Мумтаза.
2. Братья Г.Исмаилова: Аскер Исмаилов – министр здравоохранения Азербайджана. Анвер Исмаилов – Заслуженный строитель Азербайджана, создатель архитектурных проектов Музыкального Драматического театра в Нахичевани, здания Бакинского цирка, станции «Нефтчиляр» Бакинского Метрополитена и т.д. Хабиб Исмаилов – Заслуженный деятель искусств, режиссер ряда документальных и художественных фильмов, в том числе «Мачеха», «Джафар Джаббарлы» и т.д.
3. М.Б.Храпченко – советский литературовед, государственный и общественный деятель, председатель Комитета по делам искусств (1939—1948), Герой Социалистического Труда.
4. Стенограмма пленарного заседания Комитета по сталинским премиям при СНК СССР в области литературы и искусства от 21.11.1940 года приводится в статье С.Гарабаглы «Мудрый художник» \ «Musiqi dünyası». 3\4-12, 2002, с. 9-11.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переписка Б.Асафьева и Г.Исмаилова. Государственный Архив Литературы и Искусства им. С.Мумтаза, фонд № 608.
2. О.Босовская. Еще один штрих к портрету // журнал «Музыкальная жизнь». 1984, №14, с. 9.
3. Б.В.Асафьев.Страницы биографии //журнал «Советская музыка». 1984.
4. Опера «Волшебный замок» //Газета «Правда». 26.12. 1940.
5. Письмо Б.А.Асафьева. 02.03.1940. ГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608.
6. Письмо Г.Исмаилова. 10.03. 1940 //ГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 3, д. 41.
7. Письмо Г.Исмаилова, 25.03.1940 // ГАЛИ, фонд 608.
8. Письмо Г.Исмаилова. 1940, май //АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4, д. 41.
9. Письмо Б.В.Асафьева. 04.06.1940 // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4 , д. 41.
10. Письмо Б.В.Асафьева. 09.09.1940 // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4 , д. 41.
11. Письмо Г.Исмаилова. // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4 , д. 42.
12. Письмо Г.Исмаилова. 18.10.1940 // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4 , д. 41.
13. Письмо Б.В.Асафьева.27.10.1940. ГАЛИ им.Мумтаза, фонд 608.
14. Б.Асафьев. Пути развития советской музыки// Б.Асафьев. Избранные труды. Т.5.1957, с. 60.
15. Письмо 14 ноября 1940. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
16. Письмо 14 ноября 1940. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
17. Письмо 14 ноября 1940. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
18. Письмо Б.Асафьева. 16 декабря 1940 г. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
19. Письмо Г.Исмаилова. Январь 1941 г. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
20. Письмо Г.Исмаилова. Февраль 1941 года. ГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608.
21. Письмо Г.Исмаилова.ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
22. Письмо Б.Асафьева. 22.02. 1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
23. Письмо Б.Асафьева. 01.03.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
24. Письмо Г.Исмаилова. 13.05.1941. ГАЛИ им. С.Мумтаза, фонд №608.
25. Письмо Б.Асафьева. 25.06.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
26. Письмо Г.Исмаилова. 05.07.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
27. Письмо Б.Асафьева. 07.12.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
28. Письмо Б.Асафьева. 26.02.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
29. Письмо Б.Асафьева. 06.09.1944. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.
30. Б.Асафьев. Музыкальная форма как процесс. Кн.1 и 2. Л.,1971, с. 308.